

Константин Симонов

Опыт верлибра

Сегодня, перед обедом, пятого сентября,
Я, находясь в Турции,
Вернее, в ее территориальных водах,
Решил, что годы идут
И, чтобы успеть сочинить
Побольше стихов на разные темы,
Мне пора прощаться с рифмами.
Боже мой сколько времени
Я угробил на их поиски.
Считал, что ищу свои,
А находил чужие.
Чаще всего
Так оно и бывает,
Только не все признаются,
То ли дело верлибр
С его изумительным принципом:
"В огороде бузина,
А в Киеве дядька",
Который теперь называется
"Потоком сознания"!
Взяв его за основу,
Остается только разбить
Все, что придет в голову,
На строчки разной длины.
Вот вам и верлибр!

Такие, как эти, стихи можно писать
бесконечно,
Но бумага кончается — и это, увы,
реальность,
Жестокая, если угодно.
Если бы я писал это в рифму — ушло бы дней
пять,
А так — меньше часа,
Даже жаль, что так быстро,
А еще далеко до обеда...
И если какой-нибудь наш
Отсталый редактор
Не согласится считать
Это стихами —
Отдам их другому,
Более прогрессивному,
Как сделанный мною подстрочник
Для будущего перевода
С русского на турецкий,
Или наоборот.
Или еще с какого-то

На еще какой-то.
В общем — чтоб не пропало!
Не знаю, как с этим в Турции,
Но у нас один из поэтов
Уверял меня, что другой
Именно так и делает,
В связи с недостатком времени,
А также из гуманизма:
Во избежание простое
У своих переводчиков...
1976

Никита Иванов

Город над вольной Невой

Процентов восемьдесят моих знакомых,
практически все те, кто вообще о чем-нибудь
мечтает,
собираются переехать жить в Питер.
Говорят: "Это мой город! Я там себя чувствую
комфортно!"
Если у них спросить: "Что ты там будешь
делать?"
(Я всегда спрашиваю, чтобы поиздеваться), -
они отвечают: "А здесь чо делать?",
они большие оригиналы.
Они говорят о красоте Питера,
рассказывают о том, как там много хороших
групп
и как они там с друзьями бухали
и ходили по***ть в подворотню прямо в
центре.

Тогда я спрашиваю, почему они не хотят
переехать,
например, в Москву,
где все в сто миллионов раз круче,
или в Киев, где нет "Единой России" и
Путина.
Про Киев они говорят, что не интересуются
политикой,
а про Москву — что это грязный город, где
все суетятся
и где слишком
дорого,
что означает, что они просто не были в
Москве
после школьной
экскурсии.

А еще: когда я стал интересоваться поэзией,
я увидел,
что почти у каждого поэта есть
стихотворение про Питер.

Так вот — я всегда вспоминаю картинку из
числа тех, которые
распространяются в Интернете, "баян",
на которой куча мужиков толкает сломанный
троллейбус
с рекламой на нем "Переезжайте жить в
Санкт-Петербург!",
и думаю: переезжайте, станет значительно
свободней.
Переезжайте, там таблетки по сто рублей в
розницу!

Я подумал об этом,
увидев в спортивном разделе "Газеты.ру"
совсем другую
фотографию:
потерявшего сознание молодого мента на
футбольном поле.

Этого мента затоптали представители
культурной столицы,
ринувшиеся на поле с трибун отмечать
победу

футбольной команды
"Зенит",

сметая все на своем пути.
На заднем плане были видны Михаил
Боярский

в шарфе "Зенита"

и президент питерского футбольного клуба,
топ-менеджер "Газпрома", который
руководит

этим направлением
утилизации государственных денег.
Я чуть-чуть поискал информацию о судьбе
пострадавшего мента
и ничего не нашел

Ксения Некрасова

А земля наша прекрасна.
И, может быть, одинока
среди пламенных солнц
и каменно-голых планет.
И вероятней всего,
что сами мы —
ещё не выросшие боги,
живущие под воздухом целебным
на нашей зелёной
и сочной земле.

Весна

Босоногая роща
всплеснула руками
и разогнала грачей из гнёзд.
И природа,
по последнему слову техники,
тонколиственные приборы
расставила у берёз,
а прохожий сказал о них,
низко склоняясь:
«Тише, пожалуйста, —
это подснежники...»

Из детства

Я полоскала небо в речке
и на новой лыковой верёвке
развесила небо сушиться.
А потом мы овечьи шубы
с отцовской спины надели
и сели
в телегу
и с плугом
поехали в поле сеять.
Один ноги свесил с телеги
и взбалтывал воздух, как сливки,
а глаза другого глазели
в тележки щели,
а колёса на оси,
как петушьи очи, вертелись.
Ну, а я посреди телеги,
как в деревянной сказке сидела.

XX век
конца сороковых годов
стоял – налитый до краев
свинцовой влагою трагедий,
хотя и кончилась война.

Раздумье

На столе открытый лист бумаги,
чистый, как нетронутая совесть.
Что-то запишу я в памяти моей?..
Почему-то первыми на ум идут печали,
но проходят и уходят беды,
а в конечном счёте остаётся
солнце, утверждающее жизнь.

Геннадий Айги

Отъезд

Забудутся ссоры,
отъезды, письма.

Мы умрем, и останется
тоска людей
по еле чувствуемому следу
какой-то волны, ушедшей
из их снов, из их слуха,
из их усталости.

По следу того,
что когда-то называлось
нами.

И зачем обижаться
на жизнь, на людей, на тебя, на себя,
когда уйдем
от людей мы вместе,
одной волной,

когда не снега и не рельсы, а музыка
будет мерить пространство
между нашими
могилами.

ОКНА ВЕСНОЙ - НА ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ

В. Яковлеву

качающимися квадратами
цветения и звона

всех детств моих, знакомых
прозрачным опустевшим городам,
я их коснусь, и девичьи венчанья
все так же будут длиться
без музыки и без дверей;

глубины теплятся
зеленовато-сумрачно,
и плачут там, за ними,
дождем измазанные мясники,
упав на груды рыб;

и вновь топтанье и переступанье —
я здесь, я здесь;

топтанье и переступанье —
раз навсегда —

как колокол в тумане —

— и как — шмуцтитутлы — акафистов —
мне снится — красная — разорванность — и
собранность

Вечер

И — состояние
цветка одинокого — розы:
как неумелое: в несколько — будто —
приемов
объятье — младенца:
без обнимаемого.